Франки с ревом ринулись навстречу мне: их копья были наготове, щиты подняты, а строй был готов дать нам отпор. Когда армия устремилась вниз по холму, крики тысяч людей наполнили воздух, и казалось, что он содрогается от их силы. Я нанес первый удар, отрубив головку копья, а затем врезался в строй силовой атакой. Я увидел, как франк закричал, когда мой топор раздробил его щит, словно гнилую древесину, а острие топора вонзилось в его тело, разрушив кольчугу и глубоко врезавшись в ребра. Я видел все это, но шум боя был так велик, что я его не слышал.

Я нырнул вглубь строя, и франки быстро двинулись туда, чтобы заткнуть проделанную мной брешь - они орудовали сиксами, нанося мне короткие удары. Одному я отрубил руку, другого обезглавил одним ударом топора, а затем добил первого. Сакс царапнул меня по коже, но не нашел цели, и я нанес ответный удар с гораздо большим успехом. Я протиснулся вглубь строя, прокладывая путь солдатам позади себя, чтобы не оказаться в изоляции и окружении франков.

Сражаться с людьми - это совсем не то же самое, что сражаться с волками, - заметил я, размахивая топорами, когда мои собственные боевые крики присоединились к хору тысяч других. Я заметил то же самое, что и в первый раз: даже если я был окружен... сражаясь с пятьюдесятью людьми, ты сражаешься с пятьюдесятью разными людьми. Каждый из них был больше заинтересован в том, чтобы выжить, чем в том, чтобы убить меня. Единственное их преимущество заключалось в том, что хаос, царящий в бою с пятьюдесятью бойцами, зачастую не мог сравниться ни с чем.

Сражение с пятьюдесятью волками было совсем другим. Это было все равно что сражаться с одним человеком, у которого есть пятьдесят тел. Они работали как единое целое, каждый из них играл четко определенную роль - отвлекал или атаковал. Если бы я сейчас сражался с волками, то был бы мертв. В этом не было никаких сомнений. Но это было не так. Я сражался с людьми. С людьми, которые легко пугались и думали, что смогут бросить вызов судьбе и выжить, если встанут у меня на пути.

Кровь брызгала мне на лицо, пачкала руки, стекала по мне жирными каплями. За каждый шаг вперед я убивал двух или трех человек. Размахнувшись топором я вогнал заточенную рукоятку в горло мужчины, лишив его головы и забрал его сакс. Оружие мелькало вокруг меня, его острия впивались в мою плоть. Морриган сказала правду: мои мышцы были плотнее чем у других, а дубовая плоть делала мою кожу более труднопробиваемой. Но это не значит, что ни один из них не смог меня ранить. Я чувствовал острую боль в боку, в затылке, в предплечье. Они кровоточили, но боль не мешала мне идти вперед.

Это были легкие раны. Раны, которые, как я знал, быстро заживут даже без помощи Быстрого исцеления. Этого было недостаточно, чтобы хоть немного замедлить мое движение, пока я продолжал пробивать себе путь сквозь строй франков.

Однако, отстраненно, я думал о том, насколько это отличается от того, чтобы находиться в

гуще сражения, а не наблюдать за ним. Как выглядела битва с вершины холма? Находился ли я в глубине строя франков? На полпути? А может, я лишь едва нащупал его поверхность? Еще большее беспокойство вызывал тот факт, что я не имел ни малейшего представления о том, как протекает остальная часть сражения. Была ли вся армия окружена франками?

Может, атака привела к тому, что нас просто окружили? Не попали ли мы под один из тех кавалерийских ударов, о которых говорил отец? Выигрывали ли мы? Проигрывали? Невозможно было сказать. Я не имел ни малейшего представления и не знал, как это можно выяснить. Думаю, я узнаю это только тогда, когда битва будет либо выиграна, либо проиграна.

Я вогнал свой сакс в сердце франка и выдернул его, прежде чем вонзить в горло другого. Непробиваемая защита отразила удар по моей шее, и я нанес ответный удар, отрубив обидчику руку, а затем обезглавив его. Ударив его ногой в грудь так сильно, что на доспехах остался отпечаток ноги, я отбросил несколько человек назад, а затем обрушился на них. За стеной из франков мне показалось, что я вижу реку Рейн, поэтому я вогнал свой топор в череп одного из франков и рванул вперед.

В одну секунду я был окружен, а в следующую - нет.

Остановившись, я быстро огляделся по сторонам, размышляя, что же мне делать, и наткнулся на взгляд человека, которого я встретил подле короля Карла. Похоже, он что-то кричал, и я понял, что это командир армии. Вокруг него стояла дюжина воинов на лошадях. Один из них бросился вперед, направив на меня копье, но получил удар топором по лицу, который свалил его с лошади. Бросившись вперед, я подхватил копье, прочувствовав его вес, так как Предсказание направления снаряда помогало мне управляться с оружием.

Я метнул копье в богато одетого мужчину и попал ему в грудь, сбив его с лошади и заставив упасть на землю. Это действие напугало остальных: их лошади взвились на дыбы и сбили с ног еще трех человек, но остальные, казалось, лишь на мгновение задумались, прежде чем прийти к какому-то решению.

Они пришпорили своих лошадей и бросились бежать. Я быстро заметил, что это не было полным отступлением, но они старались увеличить расстояние между собой и мной настолько, насколько это было возможно, не убегая с поля боя. Я бы пустился в погоню, но быстро обнаружил, что отбиваюсь от франков, которые поняли, что я нахожусь у них за спиной. Они начали отделяться от своего строя, чтобы атаковать меня. Я быстро убил их всех, но от постоянного использования древко моего топора сломалось, и я был вынужден отказаться от него. В плотном бою я обнаружил, что у меня в руках два сакса - они были гораздо полезнее в таком плотном бою, чем копье.

Я снова оказался втянут в битву, атакуя франков с тыла. Убив тех, кто поначалу обратил на меня внимание, я обнаружил, что нападаю на людей со спины. Это было тревожно, особенно если учесть, что мой брат был убит точно таким же образом, но я понял, почему. Они были настолько отвлечены врагом, что совершенно не замечали меня в этой суматохе. В считанные минуты я обнаружил, что вырезаю бреши в рядах франков, в которые охотно вклинивались воины. Я не знал, как именно протекает битва в целом, но решил, что разрушить их строй - лучшее, что я мог сделать.

Бой затянулся гораздо дольше, чем моя первая битва. Намного, намного дольше. Большую часть времени я находился в состоянии полной растерянности. Единственным способом оценить ход времени было время от времени поднимать голову, чтобы увидеть, как солнце прокладывает себе путь по небу. Громовой шум криков и воплей постепенно стихал, оставляя после себя лишь мощный хор ударов металла о металл или дерево. Проходили часы за часами, а битва, казалось, была не ближе к концу, чем в самом начале.

http://tl.rulate.ru/book/102321/3659970